

НОВАЯ КНИГА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

(Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи:

Лингвистика, археология, генетика. —

СПб., 2011)

Несколько лет назад предположил, что новая информация для решения проблемы начальных этапов формирования славян может исходить лишь от генетиков [1, с. 259]. В недавно изданной книге историка-лингвиста Ю.К. Кузьменко демонстрируются возможности генетических исследований на примере изучения происхождения германских народов. Опираясь, прежде всего, на историческое языкознание, автор представил подробный обзор всех современных концепций, основанных на лингвистических, археологических, генетических и исторических материалах об эпохе от верхнего палеолита (10 тыс. до н.э.) до начала I тыс. н.э. И хотя, не будучи генетиком, он, возможно, в чем-то был неточен¹, работа заслуживает пристального внимания. Тем более что генетики без серьезной гуманитарной подготовки вряд ли способны дать адекватную историческую интерпретацию своих открытий. Специалист по историческому языкознанию здесь более “в теме”.

Что же ценного видится в означенной монографии. Не вдаваясь в детали, отмечу, что автор на привлеченном обширном материале обосновал длительность процесса этнического развития германских народов. При этом продемонстрировал несовпадение этносов и языков, возможность формирования и развития одного языка в разных этнических группах и, наоборот, языковые изменения в рамках развития одного этноса. Он также вернулся к давней дискуссии среди археологов о соответствии археологических культур, начиная с бронзового века, этносам и отверг такой подход². Он пишет, что “под влиянием современной этнографии археологическая культура стала пониматься как явление, обусловленное, прежде всего, экономическими, социальными и идеологическими факторами, и, соответственно, изменения археологической культуры стали трактоваться не как следствие миграций и смены населения, а как результат внутренних экономических, социальных и идеологических изменений” [2, с. 7]. В монографии приведены примеры как совпадения культур с этносами, так и несовпадения. Автор также обратил внимание на ошибочность жесткой увязки этносов с конкретными языками, приведя известные примеры распространения

¹ См. комментарий генетика <http://www.rodstvo.ru/forum/lofiversion/index.php?t2645.html>

² В полемике с создателем концепции о соответствии археологических культур определенным племенам и народам немецким исследователем Г. Коссиной польский археолог К. Годловский подчеркнул, что археологические материалы абсолютно этнически анонимны [3, с. 297].

одного языка в общностях, идентифицирующих себя как разные народы. Самый банальный из них – немцы и австрийцы, сербы и хорваты [2, с. 8-10]. Естественно, на ранних этапах человеческой истории, когда еще отсутствовали не только “международно-признанные границы”, но и нередко вообще четко очерченные территории проживания отдельных сообществ, языковые общности тоже могли быть весьма аморфными. К тому же генетические данные свидетельствуют, что *“уже в каменном веке в Европе одна и та же археологическая культура сочетается с разными антропологическими признаками”* [2, с. 144]. При этом, отмечает автор, *“исследование останков свидетельствует о генетической гетерогенности народов уже в древней Европе”*. Хотя тут же замечает, что *“некоторые высказывания о возможностях генетики кажутся слишком оптимистичными”* [2, с. 187]. Ибо не всегда возможно точно проследить скорость мутаций в прошлом, как, кстати, и в лингвистике [2, с. 189-190]. С указанными подходами, полагаю, можно согласиться.

Переходя к чисто лингвистическим выводам автора, замечу, что, как историку, мне не везде видно обоснование датировок рассматриваемых в книге преобразований и заимствований. Обычно Кузьменко опирается на общеисторические или археологические (чаще) хронологии. При том, что, как отмечалось, он не склонен идентифицировать археологические культуры с этносами. Это напоминает обычные упреки исторической лингвистике в нечеткости ее хронологии³.

В нарисованной автором картине германцы начали формироваться в III тыс. до н.э. в Скандинавии в результате смешения части индоевропейцев с древним (еще с верхнего палеолита) населением региона и финно-уграми, пришедшими в Скандинавию из Северо-Восточной Европы. В сложении германских языков приняли участие и позднее ушедшие на юг италики, и кельты, и расположившиеся на востоке протобалты, а возможно, и протобалто-протославяне. Споры о времени появления германцев связаны, замечает автор, *“с отсутствием критериев, по которым можно было бы связать язык и этнос с археологической культурой”* [2, с. 143]. Он отмечает, что германский и итальянский языки имеют одно и то же слово для обозначения бронзы, а германский и кельтский имеют одно и то же слово для обозначения железа. Это может свидетельствовать о первоначальном соседстве германцев с италиками, место которых в эпоху железа заняли кельты. Причем к тому времени уже было закончено формирование общегерманского языка [2, с. 170]. Таким образом, аргументируется гипотеза о начале формирования германцев еще со времени освоения территории индоевропейцами – носителями культуры шнуровой керамики. Тогда же происходило и сложение восточных соседей германцев – балтов, в антропологических чертах и материальной культуре которых заметны финно-угорские черты [2, с. 172]. *“Первые языковые различия, отделившие протогерманский от других индоевропейских языков, прежде всего итало-кельтского и балто-славянского, – отмечает автор, – появились в III тыс. до н. э.”*, начиная с середины или конца его. Таким образом, *“начало формирования общегерманского, т.е. появление первых признаков, отличающих германский от индоевропейских языков соседей, следует относить ко второй половине третьего тысячелетия до н. э.”* [2, с. 216-218]. После ухода на юг италийцев в первой половине I тыс. до н.э. их место к югу от германцев заняли кельты. Языковые контакты германцев с балтами на востоке

³ К. Годловский замечает, что, во-первых, лингвистические материалы трудно датировать, во-вторых, у филологов очень большой разброс мнений (“для языковеда нет ничего невозможного” – [3, с. 295]) и они часто подгоняют свои выводы под мнения археологов [3, с. 316].

прекратились на рубеже нашей эры, когда между ними появился славянский язык (венеты – ?) [2, с. 219]. Позднее, уже к середине I тыс. н.э., тесные контакты германцев и финно-угров на севере привели к появлению языковых особенностей скандинавских языков, отличавших их от других германских [2, с. 220].

“Поскольку между этносом и языком нет однозначного соответствия”, – подчеркивает еще раз автор, сделанные выводы гипотетичны. “Время появления германского этноса определить трудно, однако, скорее всего, он сформировался не раньше конца III тыс. до н. э.” И продолжает: “Представляется вполне вероятным, что до середины I тыс. до н. э., т. е. до времени археологической культуры Ясторф, существовал единый германский этнос “своих” (“свебов / свеев”). Вероятно, этот этнос уже существовал во II тыс. до н. э. Более точно можно определить время распада этого этноса, который прекратил свое существование во второй половине I тыс. до н. э., когда от “своих” (германцев) стали дифференцироваться этносы, уже не идентифицировавшие себя со “своими”. Этот процесс начался, вероятно, в эпоху археологической культуры Ясторф, когда этническое единство германцев (“своих”) стало распадаться в результате кельто-германских и римско-германских контактов и, соответственно, стал распадаться общегерманский язык, хотя языковое взаимопонимание сохранялось еще долгое время” [2, с. 221, 224]⁴.

В процессе развития древних народов, отмечает автор, генетические данные демонстрируют более высокую миграционную мобильность мужчин, и, при относительной стабильности, женщин, что, по его мнению, может объяснить языковую изменчивость – частую смену языка *“в связи со сменой хромосомных партнеров”* [2, с. 208]. То есть женская часть населения оставалась местной, возможно, полагает автор, еще с палеолита, а мужская вытеснялась пришельцами [2, с. 190, 208, 214].

В целом нарисована картина, основанная на сопоставлении широкого круга исследований ряда смежных (и не очень) дисциплин. Естественно, гуманитариям сложно оценить все тонкости достижений генетиков, как и последним – интерпретировать концепции гуманитариев и даже антропологов. Нужна определенная притирка, как это сложилось между археологами и антропологами в силу давности сотрудничества. На данном же этапе можно заметить, что и лингвистические, и генетические наблюдения склоняют к относительно раннему началу формирования европейских этносов – еще в процессе расселения индоевропейцев. Но при этом подчеркивается сложность, неоднозначность, гетерогенность процессов этногенеза, постоянные, вплоть до уже “исторического” времени, включения иноэтнических элементов.

В связи с этим хотелось бы обратиться и к проблемам славянского этногенеза. Кузьменко, естественно, почти его не касался, указав лишь на определенный изначальный балто-славянский симбиоз. При этом он опирается, прежде всего, на работы М. Гимбутас и очерчивает формирование и распространение прабалтов в бронзовом веке в процессе симбиоза носителей шнуровой керамики с аборигенными культурами на просторах Восточной Европы. Здесь автор видит сходство со сложением германцев: индоевропейцы + местный субстрат (особенно разные финно-угорские племена). Причем у балтов это, прежде всего, финно-

⁴ Нельзя не заметить стилистические погрешности даже в одном абзаце. И вообще, в тексте часты повторы, есть и хронологические неопределенности, как, например, со временем сложения германцев: в одном месте – середина и вторая половина III тыс. до н.э., в заключении – конец III тыс. Ощущается некая редакторская спешка, что ли. Но значение работы это, конечно, не умаляет.

угры Восточной Прибалтики, носители неманской и нарвской культур. Хотя в целом, опять-таки по Гимбутас, в начальный период существования, в бронзовом веке, прабалты занимали территорию от Одера на западе до Уральских гор на востоке. Балто-германские контакты фиксируются в языке во II – первой половине I тыс. до н.э., как и балтские топонимы, доходившие до Ганновера. Но в конце II тыс. до н.э. территория балтов стала на западе сокращаться за счет появления иноэтничной лужицкой (кельто-германской?) культуры [2, с. 173-176].

К началу новой эры центр балтского населения сместился на Неман, Западную Двину и Верхний Днепр (днепро-двинская культура). И с этого времени начинается проблема балто-славянских отношений, ибо на большей части первоначальной балтской территории уже в первой половине I тыс. н.э. фиксируются раннеславянские памятники. Очевидно, при известной дискусионности проблем славянского этногенеза нельзя обходить балто-славянские связи. В процессе славянского расселения во второй половине I тыс. н.э. вполне могло быть и так, как недавно предположил петербургский археолог И.И. Еремеев, утверждавший (по материалам Верхнего Подвинья), что там не было мирных балто-славянских контактов с постепенной ассимиляцией балтов. Балты, по его мнению, вытеснялись в глухие места и просто без следа исчезали [4, с. 526]. Хотя, учитывая многочисленные следы языковой близости, длительность формирования на территории, не имевшей четких географических разграничений, отрицать балто-славянскую общность на ранних этапах этногенеза все же нет достаточных оснований.

И вот здесь возникают аллюзии, навеянные вышерассмотренным текстом Ю.Н. Кузьменко. Насколько формы материальной культуры, позволяющие археологам атрибутировать соответствующий вещевой материал и формы жилищ как раннеславянские, действительно везде соответствовали славянскому этносу? Ведь балтская гидронимия Верхнего Поднепровья – доказанный факт. Ее сохранение – свидетельство сосуществования туземного и пришлого населения. Мне уже приходилось писать о возможной гетерогенности происхождения славян [1; 5]. О наличии разных истоков формирования ранних славян недавно писал С.Е. Рассадин, подчеркнувший, что этнос определяется не по набору отдельных признаков, а по самоидентификации [6, с. 187]. Там же он справедливо указывает на значение генетических исследований. Но далее в указанной статье, ссылаясь на изучение генома белорусов, отмечает *“монорегиональность... происхождения всего славянства”* [6, с. 188]. Возможно, автор перенес предварительные данные генетиков о белорусах на всех славян, что более чем некорректно⁵. Очевидно, междисциплинарные контакты требуют внимательного отношения к данным иных наук. Мне уже приходилось обращать на это внимание [7]. Наверное, лучший вариант: пусть каждый анализирует свои материалы, а сопоставляются уже полученные результаты [8]. За такими подходами – будущее, что и продемонстрировала рассмотренная выше монография Ю.К. Кузьменко.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рьер, Я.Г. Еще раз о происхождении славян: основные концепции славянского этногенеза в начале XXI века / Я.Г. Рьер // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2008. – № 4.

⁵ Белорусы действительно, так же как русские и украинцы, относительно поздно выделились, но из восточных, а не древних славян, чье сложение происходило более чем за 1000 лет до формирования трех восточнославянских народов.

2. *Кузьменко Ю.К.* Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика / Ю.К. Кузьменко. – СПб., 2011.
3. *Godłowski, K.* Pierwotne siedziby Słowian / K. Godłowski. – Kraków, 2000.
4. *Еремеев, И.И.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеофизические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень / И.И. Еремеев, О.Ф. Дзюба. – СПб., 2010.
5. *Риер, Я.Г.* Об особенностях славянского этногенеза в контексте ранней истории европейских народов / Я.Г. Риер // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мінск, 2011.
6. *Рассадин, С.* Актуальные проблемы славянского этногенеза / С. Рассадин // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Вып. 26. – Мінск, 2011.
7. *Риер Я.Г.* Климат и становление цивилизаций / Я.Г. Риер // Романовские чтения – 8 : сб. статей Междунар. науч. конф. – Могилев : УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2011. – 236 с. : ил.
8. *Kurnartowski, S.* Rola archeologii w badaniach historyczno-przyrodniczych nad przemianami środowiska geograficznego / S. Kurnartowski, T. Wiślański // Studia z dziejów gospodarstwa wiejskiego. – 1966. – Т. 8.

А.А. КРУГЛОВ